

**А.А. Фет**

**Мои воспоминания**

**Часть 1**

УДК 93  
ББК 63.3  
Ф45

Ф45 **Фет А.А.**  
Мои воспоминания: Часть 1 / А.А. Фет – М.: Книга по Требованию, 2013. – 458 с.

**ISBN 978-5-517-98445-6**

**ISBN 978-5-517-98445-6**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2013  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ПРЕДИСЛОВІЕ.

---

Въ наше время въ гвардіи разсказывали, что пріѣзжій фотографъ, владѣвшій тогда уже искусствомъ мгновенной съемки, уловилъ тотъ моментъ майскаго парада на Царицыномъ Лугу, когда вся масса находящагося въ строю войска взяла на караулъ для встрѣчи государя Николая Павловича. Невиданная до той поры въ Петербургѣ фотографія удостоена была вниманія Августѣйшаго Главнокомандующаго Цесаревича Александра Николаевича, изыскавшаго минуту представить ее государю.

— Посмотрите, Ваше Высочество, что у васъ дѣлается, когда меня встрѣчаютъ,—сказалъ государь, указывая въ одномъ изъ безконечныхъ рядовъ на солдата, который, держа лѣвою рукою ружье въ надлежащемъ положеніи на караулъ,—правою поправлялъ биверъ, сбитый ему на глаза столицемъ въ затылокъ неосторожнымъ товарищемъ.

Этотъ анекдотъ, по нашему мнѣнію, годится въ подтвержденіе двухъ истинъ. Вопервыхъ, всякій живой предметъ представляетъ для наблюдателя множество разнородныхъ сторонъ. Императоръ Николай, убѣжденный, что красота есть признакъ силы, въ своихъ поразительно дисциплированныхъ и обученныхъ войскахъ, возбуждавшихъ изумленіе европейскихъ специалистовъ, добивался по преимуществу безусловной подчиненности и однообразія. И вотъ зъ картинѣ, спо-

собной възвѣвать многостороннія наблюденія и чувства, его поражаетъ случайный и какъ бы механическій безпорядокъ.

Вовторыхъ, если минута встрѣчи войскамъ императора представляетъ картину въ настоящемъ, то фотографическій ея снимокъ есть та же картина въ прошедшемъ. Не вправѣ ли мы сказать, что подробности, которыя легко ускользаютъ въ живомъ калейдоскопѣ жизни, ярче бросаются въ глаза, перейдя въ минувшее, въ видѣ неизмѣннаго снимка съ дѣйствительности.

Озирая привычно прощательнымъ окомъ живую картину парада, государь не замѣтилъ несправности, мгновенно брошенной ему въ глаза на фотографіи.

Я увѣренъ, что въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ и во всякой другой вещи, каждый будетъ видѣть то, что покажется ему наиболѣе характернымъ.

При первомъ ихъ появленіи, кругомъ меня раздались вопросы,—не будутъ ли они послѣдовательнымъ раскрытіемъ тайниковъ, изъ которыхъ появлялись мои стихотворенія? Подобными надеждами затрогивался вопросъ, бывший въ свое время причиною столькихъ споровъ моихъ съ Тургеневымъ и окончательно рѣшенный мною для себя въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Лермонтовъ говоритъ:

«А въ томъ, что какъ то чудно  
Лежитъ въ сердечной глубинѣ,—  
Высказываться трудно».

Если не таково побужденіе, заставившее меня на 67-мъ году оглядываться на прошлую жизнь, то нельзя ли поискать другихъ, болѣе существенныхъ. На одно изъ нихъ указываетъ Марицалъ:

«Примъ Антоній, блаженъ на вѣку своемъ безмятежномъ,  
Прошлыхъ пятнадцать уже Олимпиадъ \*) сосчиталъ.  
И на минувшіе дни озираясь и мирные годы,  
Леты недалекой уже онъ не пугается водъ.»

\*) Пятнадцать Олимпиадъ—65 лѣтъ.

5. Въ воспоминавьяхъ его неприятнаго, тяжкаго дня нѣтъ,  
Чтобъ не хотѣлось о немъ вспомнить, такого я нѣтъ.  
Добрый мужъ у себя бытія объемъ расширяетъ:  
Дважды живешь, если жизнь можешь былую вкушать».

Стихи эти дороги мнѣ по своему мотиву, безъ всякаго примѣненія ко мнѣ ихъ подробностей. Жизнь моя далеко не представляетъ безмятежности, о которой говоритъ римскій поэтъ, и мои воспоминанія мнѣ пріятны скорѣе потому, что по словамъ Лермонтова:

«И какъ то весело и больно  
Тревожить извы старыхъ ранъ».

Быть можетъ, этого чувства достаточно было бы заставить меня пробѣгать сызнова всю жизнь. Но я еще не увѣренъ, нашелъ ли бы я въ немъ одною выдержку, необходимую при такомъ трудѣ. Когда послѣдняя грань такъ недалека, то при извѣстномъ духовномъ настроеніи самымъ главнымъ и настойчивымъ вопросомъ является: что же значить эта долголѣтная жизнь? Неужели, спускаясь съ перваго звена до послѣдняго по непрерывной цѣпи причинности, она не приноситъ никакаго высшаго урока? Не даетъ ли всякая человѣческая жизнь, при внимательномъ обзорѣ, нагляднаго отвѣта на одинъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ—о свободѣ воли?—Вопросъ этотъ связанъ съ другимъ, а именно: что является починомъ въ природѣ: разумъ или воля? Во избѣжаніе упрека въ злоупотребленіи отвлеченностями, придержимся выраженія о главенствѣ воли въ христіанскомъ ученіи, что *безъ воли Божіей волосъ съ головы вашей не спадетъ*. Не ясно ли изъ этихъ словъ, что какова бы ни была личная воля человѣка,—она бессильна выступить за кругъ, указанный Провидѣніемъ. Этотъ непреложный законъ повторяется не только надъ усиліемъ отдѣльнаго человѣка, но и надъ совокупными дѣйствіями многихъ людей. Сознаніе о

высшей силѣ, подводящей обончательные и нерѣдко неожиданныя благопріятные итоги нашимъ желаніямъ, выражается даже въ самоопредѣленіи такого отрицательнаго существа, какъ Мефистофель, который указываетъ на себя какъ на:

..... «Той силы часть и видъ,  
Что вѣчно хочетъ зла и вѣкъ добро творить».

Удачно или нѣтъ я началъ свои воспоминанія со времени личнаго знакомства съ Тургеневымъ и другими современными мнѣ литераторами, — пусть судятъ читатели. Предоставляю себѣ, если суждено довести мой рассказъ до настоящаго времени, начать его уже съ самаго дѣтства.

Только озирая обѣ половины моей жизни, можно убѣдиться, что въ первой судьба съ каждымъ шагомъ лишала меня послѣдовательно всего, что казалось моимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Въ воспроизводимой мною въ настоящее время половинѣ излагаются напротивъ тѣ современныя пути, которыми судьбѣ угодно было самымъ настойчивымъ и неожиданнымъ образомъ привести меня не только къ обладанію утраченнымъ именемъ, но и связаннымъ съ нимъ достояніемъ до самыхъ изумительныхъ подробностей. Не мудрствуя лукаво, я строго различаю дѣятельность свободнаго человѣка, нашедшаго послѣ долголѣтнихъ поисковъ въ саду кладъ, — отъ свободы другаго, не помышлявшаго ни о какомъ владѣніи и вдругъ отрывшаго его подъ корнемъ дерева, вывороченнаго бурей. Мысль, о подчиненности нашей воли другой высшей, дотога мнѣ дорога, что я не знаю духовнаго наслажденія превыше созерцанія ея на жизненномъ потокѣ. Конечно, ничья жизнь не можетъ быть болѣе чѣмъ моя мнѣ извѣстна до мельчайшихъ подробностей. И вотъ причина, побудившая меня предпринять трудъ, представляемый мнѣ на судъ читателя.

---

# МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

(1848—1889).

## I.

Вступленіе. — Первая встрѣча съ И. С. Тургеневымъ. — Наша семья. — Въ полку. — Переходъ въ гвардію. — Коренная Пустынь. — Ярмарка. — Въ Брасномъ Селѣ. — Новые знакомства. — Панаевъ, Некрасовъ, Боткинъ, Дружининъ. — Походъ. — Въ Остзейскомъ краѣ.

Старайся почерпнуть изъ жизни то людской!  
Всѣ ей живуть, не всѣмъ она известна;  
А гдѣ ни осянешь, повсюду интересна.

*Фаустъ.*

Находясь, можно сказать, въ природной враждѣ съ хронологіей, я буду выставлять годы событій только для соблюденія известной послѣдовательности, нисколько не отвѣчая за точность указаній, въ которыхъ руководствуюсь болѣе соображеніемъ, чѣмъ памятью. Такъ, напримѣръ, я знаю, что ранѣе 1840 г., т. е. до изданія „Лирическаго Пантеона“, я не могъ быть своимъ человѣкомъ у московскаго профессора словесности С. П. Шевырева.

Во время одной изъ нашихъ съ нимъ бесѣдъ въ его гостиной, слуга доложилъ о пріѣздѣ посѣтителя, на имя котораго я не обратилъ вниманія.

Въ комнату вошелъ высокаго роста молодой человѣкъ, темнорусый, въ модной тогда „листовской“ прическѣ и въ черномъ, до верху застегнутомъ, сюртукѣ. Такъ какъ появленіе его нисколько меня не интересовало, то въ памяти моей не удержалось ни одного слова изъ ихъ непродолжитель-

ной бесѣды; помню только, что молодой человекъ о чемъ-то просилъ профессора, а самое воспоминаніе объ этой встрѣчѣ, вѣроятно, совершенно изгладилось бы у меня изъ памяти, еслибы по его уходѣ Степанъ Петровичъ не сказалъ: „какой странный этотъ Тургеневъ: на дняхъ онъ явился съ своей поэмой „Параша“, а сегодня хлопочетъ о полученіи каедръ философіи при Московскомъ университетѣ“. Никогда въ позднѣйшее время мнѣ не случалось спросить Тургенева, помнитъ ли онъ эту нашу первую встрѣчу. Равнымъ образомъ не могу утверждать, приходилъ ли Тургеневъ предварительно къ Шевыреву съ рукописью „Параша“, или уже съ напечатанной поэмой, что не могло быть раньше 1843 г. Первое предположеніе, по моимъ воспоминаніямъ, вѣроятно. Точно также знаю навѣрное, что раньше 1848 г. я не могъ пріѣхать въ домовый отпускъ изъ полка, гдѣ былъ утвержденъ въ должности полковаго адъютанта, хотя и тутъ не могу вполне точно опредѣлить года, да и не считаю, съ своей точки зрѣнія, этого важнымъ.

Дома меня встрѣтилъ самый радушный пріемъ. Хотя старикъ отецъ по принципу какому не высказывалъ своихъ одобреній, но бывшему эскадронному командиру видимо было пріятно, что я занимаю въ полку видное мѣсто.

Въ домѣ я засталъ меньшую нашу сестру Надю, недавно кончившую учевіе. — смолянку, совершенно неопытную, по наружности весьма интересную, пылкую и любознательную семнадцатилѣтнюю дѣвушку. Хотя стихи мои около десяти лѣтъ уже были знакомы читателямъ хрестоматій, Надя едва-ли не одна изъ цѣлаго семейства знала о моемъ стихотворствѣ и искала со мною бесѣды. Не взирая на кратковременное пребываніе дома, я, съ своей стороны, старался поддерживать ея любознательныя и эстетическія стремленія; конечно, тайкомъ отъ отца, считавшаго Державина великимъ поэтомъ, а Пушкина безнравственнымъ писателемъ, и ревновавшаго втайнѣ свою любимую Надю ко всякаго рода стороннимъ вліяніямъ.

Занятый устройствомъ своихъ разбросанныхъ имѣній, отецъ самъ рѣдко выѣзжалъ въ гости и только охотно отпускалъ Надю въ Волково къ однофамильцамъ сосѣдямъ за 12 верста,

т. е. версты за три за городъ Мценскъ, отъ котораго наши Новоселки въ 7-ми верстахъ. Владѣлецъ Волкова былъ художавый, боявшійся чахотки, но чрезвычайно подвижной, сорокалѣтній брюнетъ. Воспитанникъ юнкерской школы, онъ, какъ и все его семейство, отлично говорилъ по-французски, знакомъ былъ со старой и новѣйшей французской литературой, а равно и съ корифеями русской словесности. Но насколько мало въ сущности занимала его литература, настолько въ душѣ онъ былъ прирожденнымъ музыкантомъ и по цѣлымъ часамъ фантазировалъ на роялѣ, которымъ прекрасно владѣлъ. Женатъ онъ былъ на красивой въ то время Каровой, отъ которой имѣлъ двухъ дѣвочекъ и мальчика. Не безъ основанія предполагаю, что молодая женщина гораздо болѣе чѣмъ онъ и съ бѣльшимъ толкомъ предавалась чтенію французскихъ и русскихъ книгъ. Кромѣ того въ домѣ проживала и мать Ш....а, не жившая съ мужемъ. Послѣдній, очевидно, любя свободу, устроился такъ, чтобы жить одному въ большомъ домѣ смоленскаго имѣнія, гдѣ проводилъ время, между прочимъ, расхаживая по пустымъ комнатамъ и напѣвая:

«Громъ побѣды раздавайся».

Отдѣливши двухъ сыновей, въ томъ числѣ и Волковскаго хозяина, старикъ Ш...ъ выдавалъ своей женѣ и двумъ весьма зрѣлымъ дочерямъ дѣвицамъ по триста рублей въ годъ, и на эти деньги всѣ трое проживали въ Волковѣ, внося двѣ трети своего дохода въ общее хозяйство. Обѣ дѣвушки получали прекрасное свѣтское воспитаніе; и о меньшей, если не говорить о ея черныхъ волосахъ, широко выведенныхъ бровяхъ и замѣчательно черныхъ и блестящихъ глазахъ, сказать болѣе нечего, но старшая, блондинка, была явленіемъ далеко недюжиннымъ. Уже одно ея появленіе въ дверяхъ неволью кидалось въ глаза. Она не входила, а, такъ сказать, шествовала въ комнату, строго сохраняя щегольскую кавалерійскую выправку: корпусъ назадъ, затылокъ назадъ. Въ знакомствахъ она была чрезвычайно сдержанна, но познакомившись становилась разговорчива и, не смотря на природную доброту, щеголяла непрерывными французскими и русскими сарказмами въ отвѣтахъ собесѣднику. Кромѣ того, подобно брату,

она безукоризненно играла на рояль и читала ноты без всякой подготовки.

Надо прибавить, что въ домѣ нерѣдко появлялись двое Каровыхъ, родные братья хозяйки. Аркадій, губернский уншца и передовой, и старшій Николай, физически совершенно развитый, такъ что когда онъ протягивалъ руку, она производила впечатлѣніе гуттаперчевой. Поэтому всѣ, поминая его, говорили: „Каровъ мякій“, что не мѣшало ему съ видомъ знатока толковать о литературѣ и говорить комплименты молодымъ женщинамъ.

Въ тогдашній прѣздъ мой, разъ навсегда заведенный отцомъ порядокъ въ домѣ мало измѣнился. Онъ самъ попрежнему жилъ во флигелѣ, а въ домѣ помѣщалась только Надя, а я жилъ въ другомъ флигелѣ. Переходя въ 8 часовъ утра въ красномъ бухарскомъ халатѣ и въ черной шелковой шапочкѣ на головѣ съ крыльца своего флигеля на крыльцо дома, онъ требовалъ, чтобы Надя была уже у своего хозяйскаго мѣста передъ самоваромъ. Завтракъ строго воспрещался, обѣдъ съ часу передвинулся на два, чай подавался въ 7 часовъ, а въ 9 часовъ—ужинъ съ новымъ супомъ и пятью возыми блюдами, совершенно какъ во время обѣда. Надобно прибавить, что такой ужинъ подавался лишь другимъ, а самъ отецъ довольствовался кензѣпной овсяной кашей со сливочнымъ масломъ. Дочерямъ не позволялось гулять безъ вуаля и безъ лакея даже въ саду, а выѣзжать не иначе, какъ въ дормезѣ четверкой или шестерикомъ съ форейторомъ и съ ливрейнымъ лакеемъ. Бывшія въ гостяхъ сестры должны были возвращаться въ ужины.

Однажды, за полчаса до прихода отца, прогремѣвшая по хамилу карета остановилась у крыльца, и быстро вошедшая въ столовую Надя расцѣловилась со мной.

— II приехала тебѣ отъ всѣхъ поклонны, и III.....и убѣдительно просятъ насъ съ тобой прѣхать въ слѣдующее воскресенье. Будетъ Тургеневъ, съ которымъ я сегодня познакомилась. Онъ очень обрадовался, узнавши, что ты здѣсь. Онъ сказалъ: „вашъ братъ—энтузіастъ, а я жажду знакомства съ подобными людьми“.

Конечно, я очень обрадовался предстоящей мнѣ встрѣчѣ, такъ какъ давно восхищался стихами и прозой Тургенева.

— Маѣ сказывали, прибавила Надя, что онъ поневолѣ у себя въ Спасскомъ, такъ какъ ему воспрещенъ въѣздъ въ столицы. Папа ничего объ этомъ не надо говорить, а то Богъ знаетъ, какъ онъ посмотритъ на это знакомство; а въ гости къ Ш...мъ онъ насъ отпустить охотно.

На слѣдующее воскресенье мы уже застали Тургенева у Ш...хъ. Видѣвши его только мелькомъ лѣтъ за пятнадцать тому назадъ, я конечно бы его не узналъ. Не смотря на свѣжее и молодежавое лицо, онъ за это время такъ посѣдѣлъ, что трудно было съ точностью опредѣлить первоначальный цвѣтъ его волосъ. Мы встрѣтились съ самой искренней взаимной симпатіей, которой современемъ пришлось разрастись въ душевную пріязнь.

Кромѣ обычныхъ обитателей Волкова, было нѣсколько сторовнихъ гостей. Дамы окружали Тургенева и льнули къ нему, какъ мухи къ меду, такъ что до обѣда намъ не пришлось съ нимъ серьезно поговорить. Зато послѣ обѣда онъ упросилъ меня прочесть ему на память нѣсколько еще ненапечатанныхъ стихотвореній и упрашивалъ побывать у него въ Спасскомъ. Оказалось, что мы оба ружейные охотники. По поводу тонкихъ его указаній на отдѣльные стихи, я навнясь сказалъ, что восхищаюсь его чутьемъ. — „Зачѣмъ же вы извиняетесь въ выраженіи, которое я считаю величайшею для себя похвалою?“

При прощаніи я далъ ему слово побывать въ Спасскомъ, но къ себѣ по какому-то (невольнo скажешь) чутью его не приглашалъ.

Въ условный день приходилось просить у отца лошадей, въ которыхъ онъ никогда не отказывалъ, и кромѣ того сказать, куда я ѣду. Тайкомъ этого сдѣлать было невозможно, а отецъ, подобно мнѣ, былъ заклятой врагъ всякой лжи. Услыхавъ, что я ѣду въ Спасское, онъ нахмурилъ брови и сказалъ: „Охъ, напрасно ты заводишь это знакомство; въѣду ему запрещенъ въѣздъ въ столицы, и онъ подъ надзоромъ полиціи. Куда, какъ неприглядно“.

Стоило большаго труда убѣдить отца, что эти обстоятельства до меня не касаются, и что порядочное общество тѣмъ не менѣе его не чуждается.

„Фить, фить!“ проговорилъ отецъ, щелкая пальцами; (это было его обычнымъ обозначеніемъ легкомыслія) — „а впрочемъ побъжай, ужъ если такъ тебѣ хочется“.

Счастливымъ я побъжалъ и расцѣловалъ своего друга Надю.

Воздержусь отъ описанія Спасской усадьбы, хорошо знакомой публикѣ и по описаніямъ, и по фотографіямъ; скажу только разъ навсегда, что планъ дома представлялъ букву глаголь, а флигель—какъ-бы другую ножку буквы пе, если бы верхняя часть глаголя соприкасалась съ этой ножкой; но такъ какъ между домомъ и флигелемъ былъ перерывъ, то флигель выходилъ единицей, подписанной подъ крышею глаголя. Странно, что хотя современемъ я узналъ все расположеніе построекъ усадьбы Спасскаго, какъ свой собственный домъ, я никакъ не въ состояніи дать себѣ яснаго отчета, гдѣ въ первое мое посѣщеніе жилъ и принималъ меня Тургеневъ, т. е. въ домъ или во флигель.

Конечно, меня не могло поразить окружавшее его мнѣжество лакеевъ, которыхъ и у насъ въ домъ было едва ли не дюжина; но у насъ, какъ и у всѣхъ остальныхъ, они появлялись въ лакейскихъ съ утра и въ домъ не оставались; у Тургенева же я замѣтилъ въ двухъ-трехъ сосѣднихъ съ приемною комнаткахъ кровати и столики, у которыхъ стояли длиннѣйшіе чубуки отъ трубокъ со вспухнувшей табачною золой, хотя самъ Тургеневъ никогда не курилъ. Въ этихъ-то комнатахъ, видимо, помѣщались лакеи, при которыхъ, какъ я узналъ впоследствии, состояли казачки для набиванія трубокъ и другихъ послугъ.

Разговоръ нашъ принялъ исключительно литературный характеръ, и, чтобы воспользоваться замѣчаніями знатока, я захватилъ все, что у меня было подъ руками изъ моихъ литературныхъ трудовъ. Новыхъ стихотвореній въ то время у меня почти не было, но Тургеневъ не переставалъ восхищаться моими переводами одъ Горация, такъ что, по просьбѣ его, смотрѣвшаго въ оригиналь, я прочелъ ему почти всѣ переведенныя въ то время двѣ первыя книги одъ. Вѣроятно онъ успѣлъ уже сторовою узнать о крайней скудости моего годоваго бюджета и потому вослициалъ:

— Продолжайте, продолжайте! Какъ скоро окончите оды,